

О БУРЯТСКО-ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Как известно, история любого языка неразрывно связана с историей народа, носителя этого языка. В языке, особенно в лексике, самой подвижной его части, находит свое отражение весь путь исторического развития народа, его материальной и духовной культуры, взаимоотношений с другими народами. Без учета данных истории языка невозможно успешно решать вопросы, связанные с историей народа, с его этногенезом. Почти полное отсутствие работ по истории бурятского языка в аспекте его взаимоотношений с языками соседних народов (якутов, тувинцев, тофоров, эвенков, кетов и пр.) создает известные трудности при решении проблемы этногенеза бурят, которая до сих пор окончательно не решена. Исследователи истории бурятского народа отмечали его сложный этнический состав, сочетание в бурятском народе элементов монгольских, тюркских, тунгусских и др. Тюркский компонент, например, у западных бурят относят к курыканам VII-X веков, предполагаемым предкам якутов¹.

Таким образом, не вызывают сомнений уже древние контакты и взаимосвязи бурятских племен с тюркскими. Среди этих древних тюрков были не только курыкане, но и древние уйгуры и древние кыргызы, которые в свое время владели Прибайкальем. Буряты и сейчас живут в непосредственном соседстве с тюркоязычными народами — тувинцами, тофаларами, а также якутами. Все эти одновременные и разнообразные связи бурят с тюрками получили свое отражение в бурятском языке, как литературном, так и разговорном, в его территориальных говорах.

При изучении вопроса о тюркоязычных лексических заимствованиях в бурятском литературном языке нами учитывалось, что бурятский литературный язык появился сравнительно недавно и притом на базе хоринского говора и что фонд лексики литературного языка обогатился также благодаря другим бурятским говорам, старописьменному языку, русским и другим заимствованиям. Следовательно, тюркизмы в литературный язык могли проникнуть не только через хоринский говор, но и по другим каналам.

Проводившиеся нами в последние годы исследования взаимодействия бурятского языка с тюркскими² позволили выявить в бурятском языке, как литературном, так и разговорном, большое количество тюркизмов, главным образом в лексике. При этом данная группа слов по определенным признакам³ четко отграничивается от общих тюрко-монгольских элементов, которых тоже немало в составе бурятской лексики. Кроме того, группа тюркизмов бурятского языка в свою очередь также оказалась неоднородной. Она состоит из тюркских заимствований, присущих всем основным современным монгольским языкам (имеются в виду халха-монгольский, бурятский и калмыцкий языки) и старописьменному монгольскому языку. Это, по всей вероятности, лексемы, попавшие в монгольские языки в древнее время, когда еще не было столь большой дифференциации монгольских языков, какую мы наблюдаем в настоящее время. Этот пласт тюркизмов довольно значителен по объему и включает несколько сот слов.

Другим пластом бурятских тюркизмов являются лексемы регионального распространения, бытующие кроме бурятского языка еще либо в халха-монгольском, либо в калмыцком языке. Но больше всего здесь оказалось тюркизмов, общих для бурятского и халхаского языков. Их тоже насчитывается немало, свыше сотни.

И, наконец, удалось выявить тюркизмы, бытующие только в бурятском языке и которых нет в других монгольских языках. Это собственно бурятские тюркизмы. Их пока насчитывается около 50 слов. Причем они тоже являются либо общепурятскими, либо бытующими только в отдельных бурятских говорах. Больше всего их оказалось в говорах западных бурят, которые исторически больше контактировали с тюрками.

Проиллюстрируем все эти положения рядом конкретных примеров.

Так, к тюркизмам общемонгольского характера относятся, например, следующие бурятские слова:

ариг 'чистый, опрятный', аркун 'чистый, опрятный; священный' (ср. х—монг. ариг 'чистый, опрятный', ариун 'священный, святой; чистый; честный', калм. эрун 'чистый; священный', стп.-м. ari, ari-yun id.) < тюрк., ср. др.-тюрк. ari 'чистый, незагрязненный; порядочный; праведный, священный' < др.-тюрк. ari = 'очищаться'; слово арыг, как и глагол арн являются общетюркскими, о их этимологии см. Севортян I, с. 184-186;

бэлиг 'мудрость, ум, разум; знание; способность, дарование'

(ср. х.-монг. билиг 'талант, дар', калм. билг 'мудрость, разум, понимание; знание', стп.-м. bilig id.) < тюрк., ср. др.-тюрк. bilig 'знание; разум; ум; осторожность, осмотрительность' < др.-тюрк. bil- 'знать, ведать; уметь; понимать'; корень и производное слово общетюркские, (см. об этом Севортян П, с. 136-139);

булуу 'точило, оселок' (ср. х.-монг. билүү, калм. булу, стп.-м. bilegüü, bileü id.) < тюрк., ср. др.-тюрк. bilagü 'точильный камень' < др.-тюрк. bilā- 'точить' < др.-тюрк. bi ~ bü 'лезвие, острие'; основа билэ- и его производные являются общетюркскими, (см. Севортян П, с. 142-143).

Примерами региональных тюркизмов могут служить следующие лексемы, бытующие в бурятском и халха-монгольском языках и отсутствующие в калмыцком:

олбог 'матрац, тифляк для сидения', х.-монг. олбог, стп.-м. olbuγ id. < тюрк., ср. кирг. олбок, олпук 'матрасик в люльке', як. олбох 'подстилка для сиденья; сиденье; престол', которые восходят к пратюркскому глаголу *ол- 'сидеть, садиться', образовавшему также такие слова как тув., кирг. олут 'место для сиденья; сиденье', як. олох 'место для сиденья; жизнь; местожительства', тюрк. олур- // олтур- 'сидеть, садиться', 0 корне ол- (см. Севортян I, с. 489-492);

той в сочетании той баяр 'праздник', х.-монг. той, стп.-м. toi 'свадебный пир' < тюрк., ср. др.-тюрк. toi 'пир, пиршество'. Слово той в значении 'пир', особенно 'свадьба', 'свадебный пир', распространено по всем тюркским языкам и восходит к глаголу *то-, который прослеживается в тюрк. той- // тот- // тос- 'насыщаться', тоқ, 'сытый'. (См. об этом Севортян III, с. 251-253).

Примерами собственно бурятских тюркизмов, представленных в литературном бурятском языке, могут служить следующие слова:

бойног 'гривенка, войло - обвислая кожа под шеей крупного рогатого скота' < тюрк., ср. як. мойнох id.; кирг. мойнок 'шея верблюда; шейная кожа верблюда, дикого козла', каз. мойнак 'шея верблюда' < общетюрк. мойун 'шея' (см. Севортян П, с. 180-182);

бүхэ- 'приедаться' < тюрк., ср. др.-тюрк. бөк- 'наедаться, насыщаться; переедать, пресыщаться; быть довольным, удовлетворяться'. В тюркских языках корень бөк- широко распространен в тех же значениях, что и зафиксированы и в др.-тюрк., кроме того, есть и синкретичная основа пөк 'сытый, насытившийся' (см. Севортян П, с. 211);

тууу/н/ 'плотный комоч снега, грязи, налипающий под копытом лошади' < тюрк., ср. др.-тюрк. tujuγ 'копыто', тув., тоф. дуйуг, алт. туйгак, хак. туйгах, як. туях, кирг., каз. туяк, тат. тояк, тур. дуйнак 'копыто'. Бурятская праформа восстанавливается в виде *туйугун, которая имеет прототип именно форму туйуг, характерную для древнего тюркского языка, а также современных тофаларского и тувинского языков.

Большой интерес представляют тюркизмы, бытующие в говорах бурятского языка. Это свидетельствует о том, что говоры, бывшие племенные языки, имели самостоятельные связи с тюркскими языками. Рассмотрим некоторые примеры из этой рубрики:

зап.-бур. шихан 'чирей' < тюрк., ближе всего фонетически к бурятской форме подходят: каз., ног., к.-калп. шйкан, уйг. чийкан, алт. чийкан в том же значении, ср. также др.-тюрк. сир-қан, сирқан, субақан 'унаби - кустарниковое растение рода крушиновых; прыщ, нарыв, напоминающий по внешнему виду плод растения унаби', кирг. чыпкан, тур. чыбан, узб. чипкон 'чирей, нарыв';

зап.-бур. саажа/шаажа 'женская коса' как самостоятельная лексема и в составе производного зап.-бур. шаастай 'девушка' < тюрк. сач 'волосы на голове', представленному в тюркских языках в различных фонетических вариантах, например: др.-тюрк. саç, аз., тур. сач, уйг. сач, кирг. чач, каз., ног. шаш, хак. сас, чач, шор. шаш, тоф. чеыш 'волосы (на голове человека)', тув. чаыш 'женская или девичья коса'. При этом исходной формой для бурятских слов саажа и шаажа послужила, видимо, форма принадлежности 3-го лица, звучащая в тюркских языках для этого слова как сачи, чачи, шачи 'его или ее волосы'. В сибирских же тюркских языках конечный согласный в этой позиции обычно озвончается, поэтому данная форма здесь звучит как сази, чази, шази и т.п. Можно предположить, предки западных бурят взяли это слово у каких-то сибирских тюрков. В пользу этого предположения говорит также и то, что в сибирских тюркских языках краткий широкий гласный в позиции перед узким кратким гласным обычно произносится с полудолготой, которая в некоторых диалектах доходит до полной долготы, т.е. почти до чаази, шаази, саази, что и могло бурятами восприниматься как долгота гласного.

Аналогичное восприятие бурятами полудолготого тюркского о в позиции перед узким гласным наблюдается и в зап.-бур. теерсэг 'крынка', прототипом которого послужило, по всей вероятности,